

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

**ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА**

Дамоклов меч
над звездным
троном

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Дамоклов меч над звездным тронem : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-227119-9

Визитная карточка этого серийного убийцы — металлический жетон с выбитыми на нем цифрами. Он прикрепляет его к телам своих жертв: шестипалой сутенерши, владельца зооцирка, хладнокровно уничтожившего своих «артистов», врача, тайно торговавшего трупами... Начальник убойного отдела Никита Колосов и сотрудница пресс-центра УВД Катя Петровская пытаются создать психологический портрет маньяка... Новое преступление ставит их в тупик: убит популярный певец Кирилл Боков, восходящая поп-звезда. И снова пресловутый жетон на запястье жертвы... Косвенные улики так или иначе связаны с частным теплоходом, прибывшим из Питера в Москву. На теплоходе — два знаменитых в прошлом рок-певца с друзьями и близкими. По странному стечению обстоятельств муж Кати — Вадим Кравченко — становится телохранителем одного из рокеров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-227119-9

Глава 1

НОЧНАЯ ПЬЕСА

Дело было в Санкт-Петербурге, и Вадим Кравченко сказал:

— А я доволен. Я очень доволен. И вообще мне в жизни немного надо. Но только того, что я сам лично хочу.

— Минимализм — это уже не модно, Вадик, — вздохнул Сергей Мещерский.

— А мне плевать. Я не прав, мой зайчик?

Зайчик — Катя Петровская, по мужу Кравченко, не вмешивалась в беседу уже четверть часа. Сил не было, просто никаких не было сил! Они сидели за столиком в баре. Бар назывался, кажется, «Борсалино». Кажется, а может, и нет. Вроде при гостинице «Англетер», которая когда-то была очень и очень знаменита, а потом сплыла, войдя после реконструкции в шикарный комплекс отеля «Астория». В этом отеле они и забронировали номера — решили на этот раз встретить Новый год в Северной Пальмире с максимальным европейским комфортом.

И встретили. Ночь с ее огнями, фейерверком над Невой, шампанским у сфинксов и нескончаемой канонадой китайской пиротехники была позади. На дворе стоял первый день нового года, да и он уже сильно клонился к закату. Город спал посленовогодним младенческим сном.

Улицы и проспекты были пусты и засыпаны снегом. Сказка была вокруг — белая сонная сказка.

В отеле — в шикарных холлах, на лестницах и на этажах — царила благопристойная тишина. Такая тишина бывает только 1 января, вечером, сотканным из мгlistых балтийских сумерек.

— Минимализм — это не модно, — повторил Сергей Мещерский и отпил ха-ароший глоток шотландского виски. — И, между прочим, Вадик, ты и так от жизни получил все самое лучшее.

— Например? — спросил Кравченко.

— Например, жену. — Мещерский посмотрел на Катю. Взгляд был лучезарный, уплывающий в шотландское далеко — к манящей хрустальными огнями барной стойке.

— Ну а ты что скажешь, мой зайчик? — Кравченко обернулся к Кате.

— Хорошие вы оба уже, — пискнул осипшим голоском «зайчик». — Мальчики, милые, пора закругляться, а?

— Пора. — Маленький, пунцовый от виски Мещерский хлопнул ладонью по столу. — Желание женщины — закон. Еще три минуты празднуем здесь, и я везу вас в Петергоф. Я обещал.

Собственно, в этот чудный град Петров, в эту вселенскую студеною колыбель, пригласил их именно Мещерский. С Питером у него всегда были крепкие связи — и делами, и друзьями, и неизбывной духовной жадой. Катя давно заметила за Мещерским странную особенность. Он всегда говорил, что не выносит Питер, но если не приезжал туда в течение трех-четырех месяцев кряду, хандрил и заболел. В Питере он также хандрил, звонил и на словах вроде бы рвался домой — в Москву. Но приезжал всегда переполненный впечатлениями — поздоровевший, повеселевший и самое главное — повзрослевший.

Им с Кравченко уже пора было взростеть...

Посетителей в баре было мало. Бар при гостинице «Англетер», «абсорбированной» «Асторией», располагал к уюту, большим денежным тратам и неспешной беседе. От «Англетера» же остался только зыбкий миф о том, что там некогда свел счеты с жизнью Поэт с большой буквы. В стенах отеля этим, как и многим другим, явно гордились. Слава эта, по мнению Кати, была мрачной, но она завораживала сердце. Катя ловила себя на том, что она даже у себя в номере слишком уж пристально всматривается в шелковые бежевые обои, точно в экран. И машинально то гасит, то снова зажигает белую мраморную лампу. Вот гаснет лампа, и на фоне Исаакия за окном является тень, силуэт...

Но призрака Поэта Катя так и не устерегла. Она призналась Сергею Мещерскому после третьего бокала шампанского и под большим секретом, что на самом деле она и не хочет видеть призрак здесь, в таком роскошном, таком знаменитом, таком благопристойном евроотеле. Однако «Англетер» — даже разрушенный и реконструированный, поглощенный, перестроенный — есть «Англетер». И не узрев здесь поэта мертвого, Катя неожиданно для себя увидела поэта живого.

— Оба-на, гляньте, кто заглянул к нам на огонек, — тихонько свистнул Кравченко.

Катя оглянулась. У барной стойки, тяжело опираясь на нее всем корпусом, стоял человек. Вот он повернул голову — темные волосы, помятое лицо. Дорогой костюм сидел на нем мешковато, ворот белой рубашки был растегнут. Катя, еще не совсем понимая, кто перед ней, подумала: «Нет, строгие деловые костюмы он носить не привык. Ему гораздо комфортнее в толстовке, в кожаной куртке, черной рокерской майке». Человек достал из кармана пиджака круглые очки и нацепил их каким-то старомодным профессорским жестом — точно пенсне.

Катя узнала Ждановича — живого Алексея Ждановича, которого прежде видела на обложках компакт-дис-

ков с его песнями, на фотографиях и очень, очень, очень редко в последние годы по телевизору.

Жданович наклонился к бармену, и стало ясно: он пьян. И тут в зал вошли новые посетители. Это была целая компания, если не сказать толпа. Сначала явно охрана — трое крепких, как грецкие орехи, молодых людей, три совсем юные, очень худенькие, очень модные девушки — блондинка, брюнетка и рыженькая — и невысокий блондин, похожий на упругий мячик, затянутый, как в колет, в разноцветную кожаную куртку, расшитую стразами.

В плотном кольце охраны блондин с тремя веселыми спутницами проследовал в соседний зал — было видно, что люди явно с дороги, собрались отдохнуть, расслабиться после бурной клубной новогодней ночи в тесном кругу.

— Кто это? — спросила Катя. — Какое знакомое лицо.

— Понятия не имею. — Мещерский все еще был поглощен Ждановичем у стойки бара.

— Темные вы люди, — хмыкнул Кравченко. — Это ж Боков! Кирюша Боков. «Ты моя любовь, я твоя любовь» — это ж он поет. По всем попсовым радиостанциям сейчас крутят. Хит хитов. Ничего, тепленький такой музон. И еще это — «Мы с тобой друг друга полюбили, а потом пришла зима», — босс мой Чугунов очень эту песню одобряет. И потом «Девочка моя — тра-ля-ля-ля, я тебя хочу — тра-ля-ля-ля» — неужели не слышали? А у меня аж в ушах эти песенки бренчат. Босс мой, Чугунов, когда в машине едем, очень стерео послушать уважает — эстраду, Губина там, «Фабрику» в полном составе, Долину, «Виагру» и, конечно, Бокова. Куда ж сейчас без Бокова.

Катя с любопытством вытянула шею — нет, не разглядеть ей эстрадную знаменитость в соседнем зале. Мелькнул Боков, как райская, разноцветная птица-попугай, — и арриведерчи.

— Попросить, что ли, для босса автограф? — Кравченко сощурился. — А может, вон у того попросить? Э, да он уже не кондишн. Первое января — что вы хотите?

— О Ждановиче давно ничего не было слышно в Москве. — Мещерский перешел на шепот, хотя до стойки было далеко. — Что, он из Питера никуда не выезжает, что ли? Ни гастролей его, ни концертов.

— А помнишь, как мы на него в Горбушку с пацанами прорывались? — спросил Кравченко.

— Это на втором-то курсе? — Мещерский оживился. — Там потом еще драка была у метро. Давно это было, Вадик, — миллион лет до нашей эры... Р-рок, рок-ролл... Как-то все это ушло, сгинуло.

Катя смотрела на его бокал с шотландским виски. В знаменитой «Горбушке» она не была ни разу в жизни, ни на одном рок-концерте. Хорошо это было или дурно — об этом она уже не задумывалась. Не жалела. Но Жданович... Она знала его, конечно же, она знала его. Его голос — с кассет, с компакт-дисков. Его песни, его стихи... Нет, в «Англетере», даже абсорбированном, не стоило удивляться такой встрече. Катя поднялась из-за стола.

— Ты куда? — удивился Кравченко.

— Пойду попрошу автограф у Ждановича.

Но она не успела. Жданович вдруг резко обеими руками оттолкнулся от мореного дуба стойки, развернулся на сто восемьдесят градусов и решительным нетвердым шагом взял курс в соседний зал.

Мгновения тишины. Потом шум, возникший сразу из ниоткуда. Громкие мужские голоса. Грохот опрокинутых стульев. Мат — как из пушки.

Явились гостиничные секьюрити — мощные, корректные. Скандал — а это был уже действительно грандиозный скандалище — выплеснулся из соседнего зала. Катя увидела Бокова, окруженного испуганными девицами. Двое его собственных охранников пытались отсечь от него взъерошенного Ждановича. Тот наскакивал на Бо-

кова, как петух, что-то хрипло гневно выкрикивая. Всю эту компанию секьюрити отеля вежливо, но неуклонно теснили к выходу из бара:

— Господа, пожалуйста, успокойтесь. Тише, господа! Не здесь, только не здесь! Пожалуйста, покиньте помещение!

— Дерьмо! — хрипло кричал Жданович, вырываясь из рук охраны. — Дерьмо! Ненавижу!

— Сам дерьмо! Оставьте нас — я сам сейчас с ним разберусь! — Боков подпрыгивал, как мячик, на одном месте и норовил съездить Ждановича пухлым кулаком.

Потасовка, точно пробка, застряла в дверях бара, но потом мощными усилиями гостиничных охранников была выдворена за дверь — на снег, на мороз.

Кравченко (Катя не успела удержать его), не мешкая ни секунды, ринулся следом. Катя, бросив Мещерского расплачиваться с барменом, набросила шубу, схватила в охапку дубленку мужа и выскочила на улицу.

Гостиничная охрана уже благоразумно покинула поле битвы, но потасовка не утихла. Снег хрустел под ногами, глаза слепили огни рекламы. Катя увидела Ждановича — лицо его было разбито в кровь, очки отсутствовали. Он яростно рвался из рук удерживавшего его здоровяка Кравченко. По сравнению с ним он казался щуплым, как мальчишка, но бешенство утраивало его силы. Двое охранников отгораживали от него Кирилла Бокова, ухоженное лицо которого искажала гримаса гнева и презрения.

— Вон из моего родного города! — кричал Жданович.

— Это из Уржума, что ли? — ядовито парировал Боков.

— Вон из Питера, сволочь!

— Да пошел ты!

— Фонограммщик!

— Алкаш! Пьяная морда!

В эту минуту у отеля остановился, взвизгнув тормозами, черный джип. Сидевшие в нем двое мужчин и две девушки, увидев происходящее на тротуаре, видимо, с ходу решили вмешаться. Конфликт уже перехлестывал через край. На пороге парадного подъезда тревожно маячил швейцар — вот-вот могла появиться и милиция.

Двое мужчин из джипа быстро приблизились к Ждановичу и Кравченко. Один из них был совсем молодой парень с длинными мелированными волосами. Второй — гораздо старше — среднего роста, худой, широкоплечий. Лицо его в неверных сполохах рекламы показалось Кате смутно знакомым.

— Что тут творится? Что за базар? — крикнул он. — Леха, остынь!

— Сука! — взвизгнул из-за спин охранников Боков. — Совсем уже... Суки!

— Да я тебя сейчас. — Жданович дернулся из железных лап Кравченко. — Пусти! Да пусти ты меня, парень!

Но Кравченко не отпускал его, обернулся к человеку из джипа. Катя поняла, что ему этот человек хорошо, очень хорошо известен.

— Давайте сажайте Леху в мою машину, — скомандовал тот. — Вы что, из охраны гостиницы?

— Нет. Но я по профессии личник, — ответил Кравченко, легко приподнял упирающегося Ждановича и потащил его к джипу.

Паренек с мелированными волосами распахнул дверь, и Ждановича, как Жихарку в печку, затолкали на заднее сиденье. В этот момент охрана усадила Кирилла Бокова и троих его спутниц в подогнанный серебристый «Мерседес». И все рассосалось. Рядом с Катей остались лишь девушки, что приехали в джипе, да их старший спутник.

— Они что, в баре, что ли, пересеклись? — спросил он.

— Да. Мы в соседнем зале были, услышали шум ссоры. Мой муж вмешался, попытался разнять их. — Катя

отвечала за всех, потому что человек из джипа обращался к ней.

— Милое дело. А где же его очки?

— Я не знаю. — Катя растерянно посмотрела себе под ноги.

— Вот они. — Парень с мелированными волосами поднял втоптаные в снег очки Ждановича. — Смотри-ка, целые, только оправа погнута.

— Саныч, ты иди, я его сам отвезу, — сказал ему его старший спутник. — Ладно, отпраздновали. Всех с Новым годом.

— С новым счастьем, — откликнулась Катя.

Джип растворился во тьме набережной Мойки.

— Тебе-то, сокровище мое, хоть не навесили фонарей? — заботливо спросила Катя Кравченко.

— Мне? Кто? — Он глянул на нее, как орел, сверху вниз.

— Кто же это был, интересно?

— А ты его разве не узнала?

— Нет. А ты узнал?

— Это Виктор Долгушин.

— Какой еще Долгушин?

— Какой Долгушин? — Кравченко наклонился к Кате. — Да тот самый. Неужели и «Крейсер Белугин» совсем не помнишь?

Катя не знала что сказать. Некогда «Крейсер Белугин» был знаменитой на всю страну рок-группой, легендарной рок-группой, песни которой, казалось, витали в самом воздухе в смутные годы начала девяностых. Но лучшие песни «Крейсера» давно уже были спеты, а новых не родилось — рок-группа распалась лет семь-восемь назад.

— Как он изменился. — Катя покачала головой. — Боже, надо же... Девчонок с собой возит, парня какого-то... Но, видно, со Ждановичем они — друзья. Кстати, а ты понял, из-за чего драка началась?

— А чего ж тут непонятного? Жданович давно с попой воюет, это всем известно. — Кравченко хмыкнул. — Очаровашку Бокова терпеть ненавидит, он для него как красная тряпка для быка. Питер считает своим, кондовым. А Боков, видно, сюда приехал на все праздники концерты в клубах давать. Ну, отсюда все и вытекает.

— А при чем тут какой-то Уржум?

— Жданович сам родом из Уржума. — Кравченко обнял Катю за плечи. — А вон и наш Серега. Ну, ты вовремя, как всегда.

— Я из вестибюля все видел. Ты и без меня тут справился отлично. — Мешерский, приподнявшись на цыпочки, хлопнул друга по плечу. — Ох и медведь ты, Вадик. Ну что, мы сегодня в Петергоф попадаем или не попадаем? Я радиотакси вызвал.

— Конечно, попадаем, раз ты этого так хочешь, — покорно ответила Катя. Она смотрела через голову Мешерского на освещенный подъезд «Астории». Только что туда, небрежно кивнув строгому швейцару, вошел тот самый паренек с мелированными волосами — Саныч. Он не уехал вместе с остальными на джипе.

Его линялые джинсы и выдавшая виды куртка резко контрастировали с шикарным имиджем «Астории». Катя еще подумала: каким это ветром заносит этого мальчишку в недра роскошного пятизвездочного отеля — неужели попутным? Но Саныч скрылся за сияющими дверями, и Катя почти сразу о нем забыла.

Если бы не целый ряд последующих странных и ужасных событий, она бы, наверное, так никогда и не узнала бы, что Саныча по паспорту зовут Петром Сухим, что в свои двадцать шесть он выглядит на двадцать, что успел он уже поучиться в трех весьма престижных коммерческих вузах столицы и ни в одном не продвинулся далее третьего семестра, что он любит музыку от классики до рока, но абсолютно лишен голоса и слуха. Что, наконец,

он единственный сын и наследник Александра Кузьми-ча Сухого — весьма известного и уважаемого в Москве бизнесмена, основателя инвестиционно-страховой компании, похоронившего свою жену и спустя всего три месяца после похорон женившегося на своей давней любовнице — Алене Леонидовне Куницыной.

Катя вместе с Кравченко и Мещерским ехала в Петер-гоф. А Саныч после коротких переговоров с дежурившим за стойкой портье пересек обширный холл и на лифте поднялся на третий этаж.

Его отец и мачеха Алена Леонидовна прилетели в Петербург из Москвы два дня назад и сняли в «Астории» двухкомнатный люкс. Саныч громко постучал в дверь номера. Услышал голос отца «войдите» и вошел.

В номере ярко горели все лампы. Работал телевизор. Александр Кузьмич и Алена Леонидовна отдыхали после бессонной ночи.

— А, Петруша пришел. — Александр Кузьмич под-нялся с павловского дивана карельской березы. Выглядел он на все свои пятьдесят пять лет — невысокий, полный, лысоватый, хорошо ухоженный мужчина. Строгий, ста-рающийся казаться ласковым взгляд сквозь очки — на сына, застывшего в дверях как статуя.

Алена Леонидовна изящно раскинулась в кресле. В сторону Саныча она и головы не повернула. Алена Лео-нидовна была холеной, интеллигентной тридцатисеми-летней брюнеткой. Фигура у нее была почти идеальной, однако сама Алена Леонидовна так не считала. Настой-чиво, почти маниакально стремилась она к дальнейшему совершенству. За Александра Кузьмича она вышла по любви, по привычке и по расчету — все одновременно, вышла после почти трехлетнего романа, начавшегося еще при жизни ныне покойной жены его. Жена Александра Кузьмича болела раком, перенесла три тяжелых операции на кишечнике и в конце концов скончалась.

Александр Кузьмич внешне бесконечно переживал эту потерю, однако очень скоро вступил в новый брак, чем основательно разрушил свои и до того очень непростые отношения с сыном Петрушей — Санычем.

В новом году это была первая их встреча после почти месячной разлуки.

— Я думал, Петруша, ты позвонишь нам ночью, поздравить, — с натянутой приветливостью сказал Александр Кузьмич. — Мы ждали. Что же ты стоишь? Пройди, садись.

Саныч отлепился от дверного косяка и как был, не раздеваясь, во влажной от снега куртке, прошелся по люксу, разглядывая антикварную мебель, шелковые обои, ковры, картины, лампы.

— Нехилое гнездышко. — Он оглянулся через плечо на отца. — Как раз для медового месяца.

— Мы думали, ты позвонишь, поздравить нас. — Голос Александра Кузьмича дрогнул. — Твой мобильник был отключен. А я звонил тебе. Мы ждали. Я ждал.

— Я поздравляю тебя с Новым годом, дорогая матушка, — Саныч гибко склонился перед отцом в шутовском поклоне.

— Здесь не народный театр, Петруша. А я тебе — отец.

— Нет, моя матушка. — Саныч прозрачными, как льдинки, глазами датского принца сверлил отца. — Нет. Отец и мать — муж и жена, муж и жена — единая плоть, а поэтому...

— Твоя мать умерла, — сказал Александр Кузьмич.

— Помню. Ты вот, кажется, успел уже позабыть.

— Петруша, это ты так пришел поздравить нас с праздником? — спросила Алена Леонидовна. — Можешь больше не стараться. Нам с твоим отцом все ясно. Нам уже больно.

— Я не с вами разговариваю. — Саныч упорно избегал встречаться с мачехой взглядом.

— Ну что ты беснуешься? Что ты изводишь нас и себя? — Александр Кузьмич взорвался. — Неужели даже в такой день мы не заслужили от тебя благодарности? Что с тобой случилось? Откуда в тебе столько жестокости? И, главное, к кому? К самым близким тебе людям!

— Ты очень изменился, Петруша, — сказала Алена Леонидовна.

— А это не вам судить. Я не ваш любовник. — Саныч по-прежнему смотрел только на отца.

— Оскорблять Алену я тебе не позволю. — Александр Кузьмич покраснел. — Щенок, мальчишка неблагодарный. Извинись сию же минуту!

— Саша, оставь, не надо. — Алена Леонидовна встала с кресла и, зябко кутаясь в шелковый пеньюар, заскользила в спальню люкса. — Мне не надо от него никаких извинений.

— Ты слышал, что я сказал? — Александр Кузьмич повысил голос. — Или ты сейчас же попросишь прощения, или же...

— Ну, что или? — Саныч подошел к отцу вплотную — тот доходил ему до плеча. — Или что будет с тобой и со мной?

Александр Кузьмич тяжело дышал, молчал.

— С Новым годом, дорогая матушка. — Саныч покинул отцовский номер, громко хлопнув дверью.

Звякнули хрустальные подвески гостиничной люстры. Александр Кузьмич опустился на диван. Он массирует ладонью грудь с левой стороны.

Сердце — умирающий барабанщик. Сердце стучало, светофоры мигали. Алексею Ждановичу было тошно, а джип все ехал, мчался вперед — Синий мост, Гороховая улица, Невский проспект. Светофоры мигали — красный, желтый, зеленый.

Рядом со Ждановичем на заднем сиденье были девушки, Варвара и Лиля. Лиля достала из кармана меховой куртки-парки бумажный платок:

— У тебя из носа кровь течет. На, возьми.

Жданович скомкал платок. Девушки, девушки Варвара и Лиля... Они были существами иного мира. Витька Долгушин и он, Жданович, были намного старше их. Но в принципе это ничего не меняло, не убавляло и не прибавляло.

— Выискался еще Дон Кихот, — хмыкнул Долгушин — он сидел за рулем джипа. И резко прибавил газа.

Светофоры вспыхивали, гасли, разрешая, запрещая. Джип остановился на перекрестке. У автобусной остановки почти вровень с машиной громоздился огромный снежный сугроб — где-то впереди урчала снегоуборочная машина. За сугробом в желтом мертвенном свете фонарей Жданович увидел темную фигуру. Он сразу узнал его. Он уже видел его не раз. Сердце ударило барабанными палочками в грудную клетку и замерло в испуге.

Из вьюжной ночи, замешанной на желтках фонарей, на Ждановича смотрел он — темное лицо, прекрасное и страшное, исполненное ожидания и превосходства. За спиной у него — и это было несомненно, — как у ночной птицы, были сложены крылья из длинных, шелковых, угольных перьев. Крылья эти не знали усталости. Они могли унести их обладателя и его парализованную ужасом жертву далеко — за облака. Жданович хрипло застонал и подался вперед. Сердце в груди налилось тупой ноющей тяжестью.

Тот, ночной, молчаливый, прекрасный, смотрел на него, ждал. Тяжесть в груди прорвалась острой болью. Жданович начал сползать с сиденья на пол. Он слышал, как закричали Варвара и Лиля, как хлопнула дверь джипа. Потом в глазах стало темно. Но и сквозь темноту он чувствовал его взгляд. Знал: он улыбается, прекрасный, вечный. И ждет.

Сильные руки приподняли, удерживая здесь, на заднем сиденье джипа, — Жданович ощутил вкус нитроглицерина во рту. Боль в груди стихала, откатывала волной.

— Леха, ты как? В порядке? Сейчас в больницу поедем, потерпи немного. Сейчас, ты только держись. — К Ждановичу склонился Виктор Долгушин.

— Витька... а где... он?

— Кто он? — удивленно спросил Долгушин. — Мы на Суворовском стоим.

— Он... Да вот же он! — Жданович снова увидел его в свете фонарей.

— Кто? О ком ты говоришь?

— Князь... Ангел, блин, черный ангел. Он тут, прямо за твоей спиной!

— Да это рекламный щит, ты что? — Долгушин обернулся через плечо. — Щит рекламный возле остановки. Написано: «Мужской аромат Йоджи Ямамото», и пацан какой-то намалеван. Эх, Леха, даешь ты... Сейчас в больницу поедем. У тебя сердце ни к черту, дурак.

В груди отпустило. В глазах прояснилось. За сугробом, где урчала снегоуборочная машина, действительно стойко сопротивлялся выюге темно-синий рекламный щит «Йоджи Ямамото» — новый мужской парфюм. Но глаза прекрасного, как темный ангел, рекламиста были точно его глазами. Жданович отвернулся. Он хотел жить. Хотел в больницу под капельницу. Он боялся самого себя этой ночью. Эти глаза, что являлись ему теперь так часто, могли наделать непоправимой беды.

— И все же весь этот парадиз действует на меня как-то чудно, — изрек Вадик Кравченко, когда желтое такси мчало их по Адмиралтейской набережной. — Грустно как-то, не по кайфу, хотя и очень красиво.

— Там на той стороне университет? — спросила Катя таксиста.

— Кунсткамера. — За таксиста ответил Мещерский. — Помню, еще в пятом классе повезли нас в Ленинград на экскурсию. Куда только не водили нас, а вот Кунсткамеру учителя посещать запретили строго-настрого. Но мы с пацанами все равно рванули туда, просочились. Я там чуть в обморок не грохнулся, когда двухголового теленка увидел и этих заспиртованных уродцев в банках.

Катя оглянулась — в этом городе в первый день Нового года может случиться все, что угодно: например, призрак поэта постучит в двери вашего номера или Медный всадник неуклюже прогарцует мимо вас по встречной полосе.

— Что за радость была Петру собирать эту коллекцию уродов? — спросила она.

— Модно было. Необычно, эпатажно, ужасно, устрашающе. — Мещерский пожал плечами. — Уродство — вещь редкая. Красота встречается чаще, а уродство часто уникально, поэтому и вызывает к себе нездоровое любопытство. А некоторых просто завораживает. Но таких мало. Они сами по себе уникамы.

В Петергофе было градусов на пять холоднее. Вьюжило, с Финского залива дул ветер. Они никогда бы не попали на территорию парка в такой поздний час, если бы не приятели Мещерского из числа сотрудников музея. Хмельные по поводу Нового года и длинных праздников, приятели не спали уже вторую ночь. Все как-то быстро перезнакомились и породнились. Пили шампанское — за удачу в новом году, за дружбу, за любовь, увязали в снегу, барахтались в сугробах. В темноте при зажженных карманных фонарях и бенгальских огнях путешествовали по парку.

На расчищенной от снега площадке у Монплезира смотрели на залив, на темную громаду Большого дворца.

— О чем ты думаешь? — спросила Катя Кравченко.

Она заметила: после происшествия в баре был он немногословен.

— Так, вот думаю, сколько, оказывается, времени уткло. — Он повернулся, загораживая Катю от ветра.

— С каких же это пор? — Катя прижалась к нему.

— Ну так, вообще. Жданович... я его записи, по-моему, класса с восьмого крутил. И «Крейсер» долгушинский... Сколько с их песнями связано воспоминаний.

— Например, самая первая в жизни сигарета, да? Бычок?

— Ну, это «скорпы», «Скорпионс». — Кравченко обнял Катю. — Какой вот только это класс был, пятый, шестой? Потом мопед, потом мотоцикл мне отец подарил. Я тут же седло раскурочил, приподнял. Под байкера косил, конечно, страшно. Это Оззи Осборн и опять «скорпы»... «Алиса», Кинчев.

— А первая девочка? — спросила Катя.

— Это «Наутилус». «Казанова, Казанова, ты моя женщина. Я твой мужчина», — спел Кравченко басом. — Класс этак девятый.

— Не ври безбожно.

— Я вру? Ладно, Казанова и попозже мог быть.

— Приятно все это вспоминать?

— Щекотно. И грустно как-то. Посмотрел я на них сегодня — на Ждановича, на Долгушина и... Вот ведь были люди. Кумиры. Мои, личные, не чьи-нибудь.

— Разве они умерли? — спросила Катя. — Они живы.

— О чем разговор? — Мещерский подкрался к ним с открытой бутылкой шампанского. Пластиковый стаканчик у него был только один (остальные затерялись в сугробе). — Это для Кати. Катюша, за тебя! За то, что освещаешь мне... нам, конечно же, нам... это вот все. — Он повел рукой. — Вообще вы для меня — Катя, Вадик... все, понимаете? Пустота была бы кругом — холод, запустение без вас. Без тебя, Катюша. Я вообще давно собирался это вам обоим сказать, но...

— Эх, Серега. — Кравченко хлопнул его по плечу. — Жизнь — хорошая штука. Ну, признайся, хорошая, а?